

О книге Александра Петрушкина

Книга Александра Петрушкина – это промежуточное «Избранное», собрание стихотворений, подводящее итог шестилетней интенсивной поэтической деятельности автора. Сразу хочу отметить, что творчество Александра Петрушкина не похоже на большинство поэтических практик его коллег. Эта книга содержит в себе образцы поэзии, не уступающие лучшим образцам некоторых авангардных течений, опробованных западной литературой. И это говорит о том, что автор открыт самым разным течениям и стилям современности. Но он отбирает из них только то, что ему нужно для того, чтобы создать и отобразить свой собственный уникальный стиль поэзии – глубоко русский по своим основным показателям. Эта *русскость* книги сродни той авангардной русскости, которую мы знаем по открытиям, например, в живописи Малевича или Кандинского, подарившему миру новое уникальное художественное направление.

Поэзия Александра Петрушкина не ищет легких дорог, она дарует внимательному и благодарному читателю новый взгляд на мир. Причем новизна эта не только эмоциональна или находится в области тематики – это, действительно, новое отношение к слову, рифме, метафоре, и прежде всего – это само поэтическое видение мира.

Александр Петрушкин близок к тем открытиям, которые укоренены в самой природе поэзии – начиная от Гомера, продолжая открытия, сделанные, в частности, английскими поэтами-метафизиками, испанским метафористом Гонгорой, а если говорить о русских поэтах, то тут выстраивается следующая последовательность. «Слово о Полку Игоре» – барочная русская ранняя поэзия – Маяковский – Вознесенский – поэты метареалисты (прежде всего открытия Парщикова и Жданова в области метафоры и «обратного» виденья мира).

«Обратное виденье мира», оно же – углубленное виденье, возникает по выражению К. Кедрова при ситуации световой скорости, к которой может приблизиться человеческая мысль или человеческое восприятие. Поэзия Александра Петрушкина как раз оперирует смыслами в этой области, где время (при сверхсветовой скорости) по физическим законам начинает течь вспять, правое становится левым, а внешнее – внутренним.

Поэзия знала этот эффект раньше, чем физика, и все же поэтов, рисующих работать в таких условиях за все века набралось не так уж и много, ибо такая поэзия необычна. Читатель привык к своему усредненному, бытовому восприятию мира, к своему бытовому мышлению. И поэт, озабоченный успехом, конечно же, будет учитывать это свойство читательской аудитории и сильно зависеть от него. Но, по большому счету, такие практики являются «игрой на понижение», приведшей современную поэзию к ситуации кризиса. Гонясь за общедоступностью, поэзия, в конце концов, выигрывая в понимании, проигрывает в значении.

Книга Александра Петрушкина – это корпус стихов, обусловленных в первую очередь не желанием во что бы то ни стало быть понятым – она следует иному принципу: служению поэзии и ее возможностям, которые, как мы видим по данной книге, на сегодняшний день далеко не исчерпаны.

То, что делает Александр Петрушкин в области метафоры, создающей новые смыслы и освежающей старые – уникально. Не знаю, кого можно в этом смысле сравнить с автором «Смотрителя» на сегодня. Метафоры Петрушкина – виртуозны и динамичны, в отличие от статических метафор, из которых состоит почти вся современная метафорика. Они

способны дать неожиданную оптику в движении, это метафоры кинематографа, а не графики. Точнее говоря, это метафоры не застывшей, а движущейся жизни.

При всем этом книжка автора опирается прежде всего на *этические начала* как на неотменяемую сущность поэзии и жизни. И это происходит в современном мире, где этика стала чем-то устаревшим и досадным по отношению к эффектности или красочности того или иного стихотворения.

Сохранив в своих стихотворениях этическое начало, автор тем самым ввел в свою поэзию мощную энергию, которая сейчас покидает большинство поэтических образцов вместе с «ненужными» нравственными принципами. В этом смысле поэзия Петрушкина находится в самом настоящем авангарде поэтических усилий, ибо работает на преодоление кризиса и возрождение поэзии как таковой.

Хочется обратить внимание на поэтическую позицию автора книги. Он, действительно - Смотритель. Тот, кто, во-первых, умеет видеть, умеет вглядываться, как мало кому удавалось. Во вторых, Смотритель это тот, кто не будет ориентироваться на те или иные литературные конфликты или споры - созерцательная (но становящаяся в поступком-стихотворением) позиция этого не допускает. Ибо дело поэта по Пушкину – это его стихи. Стихи Смотрителя, видящего свет и глубину мира –

*Как Данте облако заглянет в человека
колодец и такую тишину,
которая продлится дольше века —
пока оно всё смотрит в глубину.*

Андрей Тавров, поэт, эссеист, прозаик, член Союза писателей Москвы, член московского отделения Международного Пен-клуба, главный редактор издательства «Русский Гулливер».